

ЮБИЛЕЙ

моск. Кавсакалец — 2003 — 19 лет. — С. 10.

Марина РАЙКИНА

1959 год. Лето. Батуми

Город солнца, моря, фруктов и мужчин в больших кепках-аэродромах, с ленивыми манерами. Они долгими томными взглядами провожают двух москвичек.

— Девушка, разреши познакомиться, да?

— Красивая, в горы отвезу. Королевой будешь.

Когда я сейчас смотрю на нее — крупную, кашляющую, — я почему-то думаю: "А имела ли она успех у мужчин?". Ведь женщины, добившиеся определенного положения в обществе, а уж тем более женщины творческих профессий, как правило, обделены мужским вниманием. И их общественная значимость заполняет дефицит мужского внимания и тепла.

В 1959 году Галина Волчек отправилась в Батуми со своей бывшей сокурсницей, актрисой "Современника" Людмилой Ивановой, — отдыхать и заодно провести Игоря Квашу, который в это время там снимался.

Людмила Иванова:
— Да что ты! Галя пользовалась в свое время невероятным успехом и в Москве, и куда бы мы ни приезжали. Я помню, мы с ней поехали в Батуми отдыхать, так там весь город на ушах стоял. Хотя я и была тогда яркой стройной блондинкой, но такого успеха у кавказцев, как она, не имела.

Мужчины в больших кепках-аэродромах с ленивыми манерами долгими томными взглядами провожали двух москвичек.

— Девушка, разреши познакомиться, да?

— Красивая, в горы отвезу. Королевой будешь.

Красивая бросала на них презрительные взгляды с видом победителя, взявшего южный город без боя. Она даже не удостоивала вниманием трофеи, которые бросали к ногам триумфатора, — фрукты, вино, белые "Волги".

— На уличные знакомства мы с ней не покупались, а вот до писателя из Тбилиси снизошли: писатель — другое дело. Он пригласил нас к себе на дачу на обед. Галя мне шепчет: "Чур, ни на шаг от меня, договорились?" А писатель расхрабрился, угощает, вино подливает. Когда Галя вышла, шепнул: "Подруга, погуляй по саду". А я ему на голубом глазу: "Не хочу".

Писателю ничего не оставалось, как довольствоваться девичьей трогательной дружбой. Такая же участь постигла архитектора и еще каких-то творческих сынов кавказского народа. Дело чуть не кончилось плохо.

Людмила Иванова:
— Однажды ночью раздался зверский стук в дверь. Галя испугалась: "Доигрались!". Сделали вид, что нас нет, а утром сбежали в Одессу, там Евстигнеев снимался.

Галина Волчек:
— Смешно было. Женя небрежно так бросил: "Поедем ко мне. У меня "люкс". Поехали, а люксом-то оказался номер за рубль двадцать, в таком старом дощатом доме.

1967 год. Москва. Дом на улице Вахтангова

В дверь квартиры режиссера Александры Ремизовой раздается звонок. Через 30 секунд он настойчиво повторяется. Ремизова как есть, в ночной рубашке, открывает дверь.

— Вы? Галя? В такое время? Что случилось?

Вместо ответа Волчек выпаливает:

— У вас "На дне" Горького... у вас есть?

— Есть.

Кто бы мог подумать, куда может завести простая человеческая обида? В 1967 году Галину Волчек именно обида, вызванная театральными обстоятельствами, толкнула "на дно", на глубину горьковской пьесы. И спустя много лет она будет удивляться, что всего одно слово, случайно всплывшее в эмоциональном потоке, может принести невероятный результат. То, что она рассказывает теперь, может быть расценено и с медицинской точки зрения.

Галина Волчек:
— "Современник" должен был впервые выехать на зарубежные гастроли. В Польшу! Дело было даже не в какую страну мы ехали, а то, что театр выпускали! А меня не взяли. Отбросили. Это для меня было раной, сильнейшим потрясением. Тогда это казалось невероятным — как, ведь все мои едут, а меня не берут! Боль не оттого, что за граница проплывала мимо меня, а от случившейся несправедливости. Ведь на гастроли везли и мою "Обыкновенную историю".

Сейчас она уверяет, что причина, по которой Ефремов вычеркнул свою воспитанницу из списка, не имеет значения, и всем своим видом показывает, что не желает развивать эту тему. И тем не менее интересно, что же произошло в 1967 году в "Современнике", если замечательную артистку, режиссера самого шумного спектакля "Обыкновенная история" руководство театра решило наказать таким образом?

Из воспоминаний тех, кто был рядом с ней, вырисовывается версия, и замешана она на амбициях, которые так же прекрасно приживались в молодом здоровом "организме" "Современника", как и в почтенном академическом театре.

Михаил Козаков:
— Многие считали, что это был чисто воспитательный момент — для Волчек, которая сорвала бешеный успех за "Обыкновенную историю", первой из "Современника" получила Государственную премию, поездка за границу была, по мнению Ефремова, явным перебором. Не новый способ воспитывать успешных учеников.

Впрочем, сложных причинно-следственных построений она не делала, поскольку как истинная женщина отдалась эмоциональному потоку, подознательно удовлетворяя мазохистский комплекс, сидищий в каждом, в том числе и в ней.

— Все время внутри себя, как городская сумасшедшая, я вела яростные диалоги со своими однокашниками и друзьями: "Как, — спрашивала я их. — Как могло такое случиться? У нас такого быть не может. Ведь мы все делаем вместе, и вы... а я... ведь они... Такое может быть только на каком-то дне".

Она произнесла слово "дно", и... Если бы сейчас была жива ее соседка по дому на улице Вахтангова, режиссер одноименного театра Александра Ремизова, то она бы достоверно описала ту ночь. После полуночи, когда добрые люди улеглись спать, к ней позвонила в дверь соседка — Галина Волчек и с порога выпалила:

— У вас "На дне" Горького... у вас есть?

Ремизова ответила не сразу, пораженная чрезмерно возбужденным видом своей соседки.

— А вы не можете мне дать? На ночь? Я верну.

Наутро она позвонила Ефремову и сообщила ему о своем ночном решении. Он был явно ошарашен. "Ну пожалуйста", — сказал он, и в пазухе было больше удивления, чем решения.

1970 год. Москва. Плотва Малковского. "Современник"

— Олег, что с тобой? Олежка, тебе плохо? — артистка трясет парня за плечо. Он мычит ей в ответ. Обхватывает голову руками, отчего артистка пугается еще больше.

— Ой, мальчик, что же делать? — Помоги мне оглядеться, но рядом, как назло, никого.

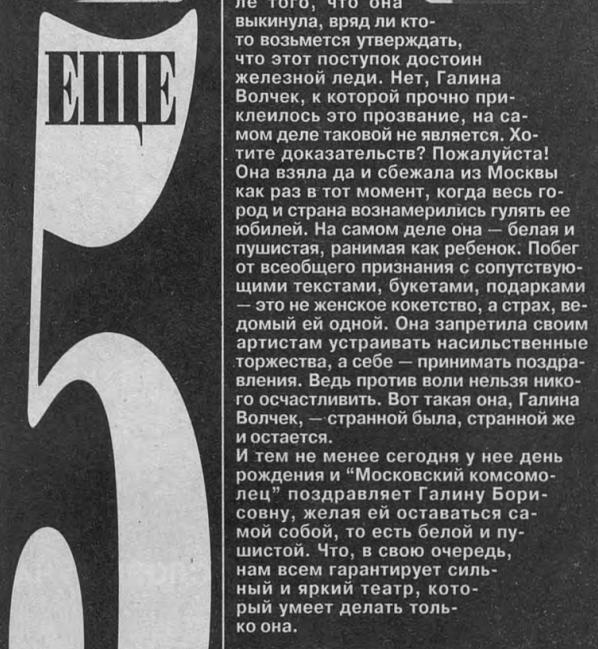
— Дай я посмотрю. Она наклоняется к его лицу.

— Сволочь! Бьет по голове. Он неловко, сложив крестом беспомощные руки с длинными пальцами, пытается закрыться от ударов.

— Сволочь! А я-то думала... Артистка чуть не плачет.

— Нет, я не хочу говорить об этом. Волчек решительна. В этот момент она нахохливается, обиженно поднимает губы и произносит свою спасительную фразу: "Я из этого ничего не помню". За твердыми, с отблесками произнесенными словами я читаю: "Я ничего не хочу помнить". Она закрывается, отражаясь от прошлого. Это означает, что я затронула тему для нее неприятную до невозможности. А судя по выражению лица — до боли. Это тема Олега Далья.

Даль походил на эльфа-переростка: худой, тонконогий, голенастый... Он появился в "Современнике" в 1963 году и сразу стал всеобщим любимцем. В нем был тот не объяснимый дар, который заставлял людей любить его

РЕЖИСЕР

без объяснения причин и несмотря ни на что. Трөгательный, трепетный, веселый и бесшабашный — как раз тот тип русского актера, что сочетал талант с национальными чертами.

Людмила Иванова:
— Он был бесбребренный, добрый. Я помню, как однажды его спросили: "Олег, сколько ты получаешь?" — "А я не знаю". Он ответил так, что было понятно — не рисует, не кокетничает, не врет. Он в самом деле не знает и, похоже, знать не хочет.

Если талант Далья требовал разгадок, как все необъяснимое, то характер был виден, как в витрине магазина. Это стало ясно на свадьбе Далья с Ниной Дорошиной. Коммунальная свадьба "Современника"... Что о ней только не рассказывали!.. И что невеста первую брачную ночь провела не с женихом, после чего Даль безнадежно запил и морально был сломен...

— Это правда, Олег Николаевич? — спросила я в марте 2000 года Олега Ефремова. Хотя он уже тогда дышал через французский аппарат, это не мешало ему курить легкие тоненькие сигареты. Когда я спросила его об этой свадьбе, он чертыхнулся:

— Да зачем мне это было нужно? Зачем я стал бы?.. И потянулся к сигаретам.

Многое из произошедшего потеряло теперь смысл и стало поводом для перепалки мемуаристов. Факт тот, что Даль оказался человеком глубоко ранимым. Он был не просто герой, а раненый герой — его сценические и экранные образы очень соответствовали подлинному Дально.

Однажды его ввели на небольшую роль в спектакле "Продолжение легенды". Разыгрывалась сцена на троих. Артисты сказали свои реплики и ждали реплики Далья. Вместо этого он встал, поднял небольшой столик, надел его себе на голову, как шляпу, и, ни слова не говоря, ушел в кулисы. Партнеры онемели. Кое-как доиграли, и артистка бросилась за сцену в ужасе: она была уверена, что молодой артист переворочивался и просто сошел с ума.

За кулисами она нашла его, забившегося в угол: — Олег, что с тобой? Олежка, тебе плохо? — артистка трясла его за плечо. Он мычал ей в ответ. Обхватил голову руками, отчего артистка испугалась еще больше.

— Ой, мальчик, что же делать? — Помоги мне оглядеться, но рядом, как назло, никого не было. Попыталась ему помочь. Склонилась к его лицу, которое он прятал в ладонях, согнувшись к самым коленям. И вдруг почувствовала запах перегара.

— Сволочь! Она задыхалась от возмущения и от обиды — на него, что сорвал сцену, и на себя, что оказалась такой наивной дурочкой, — ударила его по голове. Он неловко, сложив крестом беспомощные руки, пытался закрыться от ударов. Пальцы у него были длинные и красивые, как у пианиста.

Галина Волчек безмерно любила Олега Далья. Он был для нее как любимый ребенок, ради которого, и так казалось многим, она готова на все. "Только что груду не кормила", — говорили актеры, завидуя положению талантливого шалопута. Ну насчет груди — это перебор завистников, но то, что она готова была ему отдать все роли — совершенно точно: так высоко ценила его актерскую индивидуальность и, надо сказать, ни разу не промахнулась с назначением Далья на роль. Даже тогда, когда все уверяли ее: случится ошибка. А она, как Вильгельм Тель, подала в десятку. Так было с неожиданным назначением Далья на роль Васки Пепла в "На дне". Даль сыграл Пепла, и с тех пор такого Пепла отечественная сцена не видела. В нем было неожиданное сочетание тонкой трепетной души, субтильной оболочки и какого-то невыразимого куража, отчаяния, переходящего в смелость, и смелости, переходящей в отчаяние.

При всей любви отношения Волчек и Далья не были безоблачными. Олег не раз уходил из "Современника" и возвращался. Как блудный сын, всегда был принят и прощен. Валентин Гафт и тут откликнулся эпиграммой: "Уходит Даль куда-то вдаль...", не предполагая, как скоро случится для Далья даль невозвратная. Волчек терпела, прощала и пыталась спокойно принимать его мягкую душу. Смятение в душе артиста усугублял алкоголь. Олег все больше и больше пил.

Елизавета Котова, завлит "Современника":
— Галя с Володей Высоцким вместе уговаривали его зашиться. Олег, сам измотанный своим безволием, согласился. После этого нельзя было месяц пить, и он почти все это время прожил у Гали. Вроде бы стал восстанавливаться, а потом сорвался. Галя просила его вестись в "Вечно живые" на роль Бориса, он пообещал и даже сам хотел этого, но так и не пришел за пьесой. Волчек была вымотана его бесконечными срывами, не приходящими на репетиции и спектакли. На гастролях она затаскивала его из гостиничного коридора в номер, чтобы никто не наблюдал Далья в непотребном виде.

Он мучился от бессонницы. Его пытались лечить в знаменитой Соловьевке. Когда друзья из театра пришли его навестить, врачи сказали:

— Мы привели в порядок его нервную систему, но больше ничего сделать не можем.

— Почему?
— Ему постоянно приносят выпить... У Далья был конфликт с одним человеком — с самим собой.

Последней каплей, добившей Волчек, стал уход Далья из спектакля "Вишневый сад", который уже был на выпуске. Он срывал, перечеркивал всю работу и казался глупым и бесчувственным ко всем просьбам и мольбам.

— А вы обались с ним после его ухода из "Современника"?
— Почти нет. Я только помню похороны Высоцкого, мы там с Олегом встретились. Никогда не забуду его обремененной фигуры над ямой, куда опустили Володин гроб и еще не успели засыпать землей. И взгляд у него был обреченный. Я еще тогда про себя подумала: "В свою могилу смотрит". Это объяснит это.

Смерть его, случившаяся спустя несколько лет, была страшной — Далья нашли в гостиничном номере в Киеве (он снимался на Киевской киностудии), почерневшего. В медицинской справке написали "острая сердечная недостаточность". Выносили его из гостиницы завернутым в покрывало. Волчек на похороны Далья не пошла. Сказала только: "Я с ним давно простилась".

1974 год. Москва. Квартира на Рылевая

Мужчина и подросток торопливо накрывают на стол.

— Неси скатерть. Да не эту, возьми красивую, белую.

— А шампанское сейчас нести?

— Оставь в холодильнике. Пусть ждет своего часа.

Действия их поспешны, они смотрят на часы, как будто ждут прихода поезда.

— Быстрее. Да розы не забудь. Я их в ванне оставил.

Оба замирают от звонка в дверь.

— Дверь закрой. И отвлекай ее, чтобы сразу в столовую не пошла.

Мальчик спешит по длинному коридору к входной двери.

Марк Абелев — второй муж Галины Волчек — был не просто хозяин в доме. Он был режиссером их жизни. Галина не уставала удивляться его фантазии и изощренным ходам его придумок. Она считала его главным специалистом по оживлению серых будней и дамским угонником — прилежным воспитанником своей бабки.

Марк Абелев:
— Мальчик девочке — слуга. "Эй, слуга, подай карету, а я сяду и поеду", — любила почитать моя бабка — женщина с богатой биографией и всегда уверенная в том, что, если что-то не пойдёт, придет из женщины, вынудит мужчину. И по-другому не бывает.

Он смеется, и, судя по всему, он хорошо усвоил старую науку и ее результатами немало удивлял супругу.

Галина Волчек:
— Он умел ухаживать, как никто. Помню, меня пригласили в Тбилиси на переговоры по поводу постановки в театре, в каком, уже точно не помню. Марк категорически не хотел меня отпускать, я буквально вымолила эту поездку. В результате Маркуша отпустил меня в таком состоянии, что я в черных очках, прикрывающих заплаканные глаза, вечером вышла из самолета. Грузины со

своим гостеприимством стали приглашать поужинать, но я сказала, что плохо себя чувствую. Пошла в номер гостиницы, продолжала свои рыдания, уснула еле-еле. Ее разбудил стук в дверь. После бессонной ночи, ничего не соображая, в одной ночной рубашке подошла к двери:

— Кто?
— Откройте, — произнес женский голос. Только поэтому она и открыла. На пороге действительно стояла женщина с огромным букетом, в котором виднелся белый конверт. Она вскрыла его, достала открытку и прочитала: "С добрым утром. Марк".

Много ли сильной женщине, каковой ее считали все, нужно, чтобы подкосились ноги.

— Наверное, я выглядела как дура. Или как в плохом фильме — точно: букет прижал к груди, вода с шипастых ножек стекла по одежде, а я блаженно улыбалась.

Все объяснилось позже — после ссоры Марк позвонил своему другу в Тбилиси и, пока Галина находилась в полете, организовал через приятеля букет роз в гостиничный номер.

А однажды, когда они тоже поссорились, Марк придумал... снова сыграть свадьбу с Галиной Волчек. В то время когда она была в театре, он сговорил Дениса, и они на скорую руку накрыли роскошный стол с продуктовым дефицитом.

Галина вернулась из театра усталая и не в лучшем расположении духа. Денис позвал ее:

— Мама, зайди в комнату.

Та, ничего не подозревая, открыла дверь, а там — Марк с цветами на фоне накрытого стола с шампанским делает ей предложение.

— Свадьбу сыграем и начнем жить по-новому. Так эффектно он закрыл тему ссоры и открыл шампанское.

Она шутила, что ему место в театре, а не в исследовательском институте. Но похоже, что именно технический склад ума позволял Марку строить неожиданные комбинации и добиваться невозможного.

Для него не существовало преград, и дерзость его предприятий восхищала Волчек и сейчас. Она вспоминает, какой трюк проделал Марк, чтобы узнать фамилию владельи автомашины со спецантеннами. По номерам можно было делать выводы о засекреченности ее владельи. Зачем ему было это надо? Марк просто увидел, как однажды Галина села в эту машину.

Галина Волчек:
— Это было что-то потрясающее. Марк купил коробку конфет, приехал в ГАИ и дежурившим девушкам наглед удивительную историю. По ней вышло, что он ученый, торгился на самолете, сел в машину, но в спешке на заднем сиденье оставил диссертацию, на которую ушли годы, силы и здоровье...

Артистизм, с которым эту легенду Марк проиграл перед младшим составом ГАИ, сработал безошибочно, и он получил желаемые сведения. На этот раз его подозрения оказались небезосновательными.

Но вообще, как все счастливые семьи, и эти были похожи — ссорами и примирениями, гостями, шумными компаниями, бытовыми проблемами и воспитанием детей. В данном случае единственного сына Галины от Евстигнеева.

Денис Евстигнеев:
— Я был вообще-то домашним мальчиком, четырнадцать лет, зачатый. А Марк хотел, чтобы я вырос нормальным, с иррадной долей самоиронии (он сам был таким, такими были его потрясающие друзья) и в меру пофигистом.

Педагогика Марка носила радикальный характер. Чтобы снять зажатость с Дениса, он заставлял его... поддразнивать. В овощном магазине Денис получал задание — украсть помидор или яблоко.

— Не украдешь, не выплущу, — говорил ему Марк и занимал место у двери.

Марк Абелев:
— Когда у нас не было денег, такое иногда случалось, я говорил Денису: "Поедем на рынок пить". Мы ходили по рядам, пробовали у бабок соленую капусту, отходили и так перекусывали.

Время проявило в Денисе многое от Марка — сдержан, не выносит сентиментальности и лирики в отношениях. Самоирония для него — лучший способ существования и суть бытия.

2002 год. Москва. "Современник". За кулисами

Еще не смолкли аплодисменты, и их гул слышен за кулисами. Волчек идет в сторону гримерки, привычным движением стягивает с себя по дороге что-то из костюма и вдруг замирает.

— Поздравляем! Поздравляем! Артисты, костюмеры, буетчики, монтировщики кричат "ура!". Улыбающиеся лица плывут вокруг нее.

Она теряет от неожиданности и, как всегда от испуга, прикрывает ладоною рот.

Когда ей исполнилось 66, она прекратила отмечать собственный день рождения. Не от возраста, кокетства, а оттого, во что, по ее мнению, стоило превращаться за столько, которое она обожала собирать из года в год. Она любила покупать на большую ораву красивую посуду, салфетки, продумывать, как всех усадит. И вдруг...

Галина Волчек:
— Понимаешь, я стала чувствовать какую-то фальшь от близких мне людей, и, чтобы окончательно не разлюбить тех, с кем меня связывают многие годы, я закрыла свой день рождения.

Неужели, как опытный режиссер, она не понимает и не допускает мысли об отрицательной стороне такого жанра, как юбилей, и особенно юбилей знаменитой личности? Легкая приятная фальшь в адрес юбиляра — вы замечательный, удивительный, вы наше всё, — сказанная снизу вверх, допустима, как и снисходительная с позиции сверху вниз.

— Нельзя быть выше этого?
— Ничего в жизни не бывает просто так. Я благодарна Богу и родителям за то, что родилась на свет и живу. Но я очень не люблю формальности, фальшь, отрицательную энергетику, которая скапливается вокруг меня. Я это чувствую кожей.

Как бы там ни было, а она многих лишила редкостного удовольствия — дня рождения Галины Волчек. Когда на пятом этаже "Современника" параллельно и перпендикулярно устанавливали несколько столов с очень вкусной едой, приходили не только артисты — здесь были врачи, писатели, друзья детства. Обычно стол вел Марк — непревзойденный в застольном жанре мастер, и он умел соединять столы, смешить и элегантно запровалять всей этой пестрой братией.

Но на последнем публичном дне рождения своей бывшей супруги Марка не было — куда-то уехал. Как уехал и Григорий Горин и несколько людей, искренне любивших ее. У Волчек осталось тяжелое ощущение, которое не в состоянии были изменить ни поздний приезд Киророва с огромным букетом роз, ни появление Гусмана. С того дня она больше не отмечала день рождения, и ничто не могло удержать ее в Москве.

Олег Табаков:
— Да просто Галя очень ранимый человек, несмотря на свои объемы, поэтому так болезненно на все реагирует.

Валентин Гафт:
— Она бошарая, но при внешнем покое много чего у нее внутри происходит. И тем не менее она дала занавес на свои праздники и очень удивилась, когда однажды, войдя за кулисы после "Ревизора", на ходу по привычке стягивая костюм, услышала:

— Поздравляем! Поздравляем! Артисты, костюмеры, буетчики, монтировщики кричали "ура!". Улыбающиеся лица плыли вокруг нее. Она растерялась от неожиданности и, как всегда от испуга, прикрыла ладоною рот. Пауза. Собралась. — Ребята, а иногда на вас ору, иногда бываю несправедливой... Голос дрожал. Все как-то засмущались. — Я слишком жестко с вами обращаюсь. Простите меня. Но вы единственное, что есть в моей жизни. Вы мой дом. Моя семья.

P. S. Книга Марины Райкиной о Галине Волчек выходит в издательстве "Новое Литературное Обозрение".